

11. *Simon Biggs. Thinking about Generations: Conceptual Positions and Policy Implications. Journal of Social Issues, Vol. 63, No. 4, 2007.*
12. *Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003.*
13. *Dynamics of Cohort and Generation Research / Ed. By H. Becker. Amsterdam: Thesis Publishers, 1992.*

Maria A. Kuchkildina

GENERATIONAL GROUPES IN MODERN RUSSIA: ABILITIES TO APPLICATION

Annotation

In this article we examined abilities to application different generational groups from different points of view. The author compares the different typologies of generations of researchers, which allows a number of conclusions and form specific requirements for the study of generations.

Key words: generation, generations in Russia, frames of generations in Russia.

УДК 061.2:005.331

М. В. Певная, А. А. Кузьминчук

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩНОСТИ ВОЛОНТЕРОВ КАК ОБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

В статье социальная общность волонтеров рассматривается как объект управления на разных уровнях (макроуровне, мезоуровне, микроуровне). На основе результатов анализа все-российских социологических исследований добровольчества, а также данных опроса волонтеров Свердловской области выделяются ключевые характеристики волонтерской общности, специфику которых следует учитывать в процессе управления волонтерами с целью повышения эффективности их деятельности и создания условий для роста потенциала всей общности в целом.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, социальная общность волонтеров, управление.

Волонтерство — это масштабное социальное, политическое, экономическое и культурное явление наших дней. Волонтеры вносят значительный вклад в экономическое и социальное развитие своих стран, заполняют «провалы» государства, выступая в качестве мобилизационного ресурса, оказывая конкретную помощь нуждающимся людям. Современное состояние волонтерства, по нашему мнению, характеризует определенное противоречие между добровольными основаниями деятельности, самоорганизацией добровольцев, их активностью, целями, которые они лично для себя определяют и внешней институциональной средой, где различные социальные институты, в деятельность которых оказываются включенными и вовлеченными волонтеры, преследуют свои собственные цели. К социальным институтам, наиболее заинтересованным в ресурсе волонтерства, можно отнести государство и третий сектор, где эффективность управления добровольцами обеспечивает определенную результативность их функционирования.

Мировая практика межсекторного взаимодействия показывает, что институциональное взаимодействие государственного и некоммерческого секторов выстраивается в различных странах по-разному. В одной группе стран реализуется партнерская модель взаимодействия третьего сектора и государства. В них некоммерческий сектор наравне развит с государственным, при этом он ресурсно независим, так как поддерживается населением, частным бизнесом; общественные институты формируют повестку дня, предлагают решения определенных проблем, участвуют в создании новых органов государственной власти. В другой группе стран реализуется патерналистская модель взаимодействия, когда проявляется домини-

нирование власти, государство разрешает определенную автономию организаций и добровольцев в обмен на политическую лояльность, обеспечивает определенную поддержку деятельности этих организаций (финансирование, льготы и преференции) и добровольческих движений, НКО несамостоятельны, зависимы от финансирования со стороны государства [6]. В России третий сектор имеет определенную специфику, он слабо развит, на текущий момент сильно зависит от государственных субсидий и грантов, развивается при низкой социальной и гражданской активности населения.

Государство само не может напрямую использовать волонтеров в своих целях, привлекать их к деятельности государственных структур без некоммерческого сектора. Регулируя третий сектор, оно влияет на волонтеров. Таким образом, в российских реалиях управление волонтерами реализуется как прямо — на мезоуровне отдельных организаций (негосударственных, некоммерческих), так и опосредованно, — на макроуровне, где осуществляется государственное регулирование деятельности третьего сектора и волонтеров федерального, регионального и местного значения. Отдельные аспекты управления (самоуправления) волонтерами очевидны также и на микроуровне — в процессе неформальной самоорганизации стихийных волонтерских групп.

Одним из критериев выделения указанных уровней является степень формализации управления. Минимальная степень характерна взаимодействиям микроуровня, максимальная проявляется на макроуровне. По нашему мнению, независимо от того, на каком уровне реализуется управление волонтерами, необходимо учитывать их особенности и специфические черты для наиболее эффективного управления и наращивания потенциала самой волонтерской общности.

Основываясь на результатах всероссийских опросов общественного мнения, социологических исследований добровольчества, данных опроса волонтеров Свердловской области (N=1208, 2014) рассмотрим ключевые характеристики общности именно российских волонтеров, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать при управлении добровольцами.

Первая характеристика связана со сложной структурой самой общности. Она включает в себя разные подобщности волонтеров, занимающиеся различными видами волонтерской деятельности. Специфика каждого из таких видов деятельности, во многом накладывает определенные особенности на содержание труда волонтеров, на требования к ним, к их знаниям, умениям, навыкам, желаниям и возможностям. Например, по данным наших исследований в Свердловской области 60 % волонтеров оказывают помощь нуждающимся, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; 43 % занимаются событийным волонтерством, 46 % оказывают профессиональную помощь (бухгалтерскую, юридическую, фандрайзинг, работа с документами), 18 % добровольцев помогают в организации политических акций и выборных кампаниях, 17 % задействованы в экологических проектах, 15 % охраняют общественный порядок, 11 % помогают бездомным животным. Каждый вид деятельности имеет специфические черты (требует соответствующих профессиональных навыков, обучения, имеет свои ограничения и т. д.), которые необходимо учитывать при управлении.

На макроуровне управления за рамками правового регулирования остается сегодня целый ряд видов добровольчества (помощь в чрезвычайных ситуациях и ликвидации последствий стихийных бедствий, поиске пропавших людей, оказании помощи людям с ограниченными возможностями и т. д.), где обладание волонтерами профессиональными навыками является объективной необходимостью. Возникает очевидная потребность в получении волонтерами соответствующих знаний, умений и навыков для того, чтобы оказывать помощь на должном уровне, без ущерба для себя и тех, кому они помогают. Например, добровольным пожарным в силу обеспечения их безопасности необходимо соответствовать жестким требованиям. Высокий уровень специальной подготовки должен быть и у спортивных волонтеров, так как от их труда зависит имидж страны. Кроме того, на микроуровне (на уровне стихийной самоорганизации) появляются все новые виды добровольчества, каждый из которых требует особого подхода в управлении, привлечения ресурсов и формирования новых требований к

потенциальным добровольцам. Это порождает на макроуровне необходимость в создании инфраструктуры волонтерства в стране, включающую сеть обучающих центров и организаций; в разработке правовых основ деятельности волонтерских центров и самих волонтеров; в выделении целевого финансирования и т. д.

Вторая характеристика общности волонтеров сопряжена с разделением всех членов общности по другому основанию на «формальных», работающих в НКО, и «неформальных» тех, кто оказывает безвозмездную помощь вне каких-либо организаций. Исследователи ФОМ тех, кто участвовал в деятельности общественных организаций или в массовых мероприятиях, маркируют «организованными» добровольцами или волонтерами. Тех же, кто помогал окружающим, занимался решением проблем по месту жительства, — «неорганизованными» добровольцами или активистами.

В России организованное, формальное добровольчество уступает по размерам и степени охвата населения неформальным, неорганизованным формам (индивидуальному, в дружеском кругу, в рамках инициативных групп) [8, с. 105]. Всероссийские опросы общественного мнения дают лишь примерную оценку общности волонтеров в России. В 2013-2014 гг. по данным ФОМ «работали волонтерами в общественных организациях 9% россиян, занимались общественными проблемами по месту жительства 27 % респондентов, оказывали какую-либо помощь незнакомым людям 72 % от числа всех опрошенных» [5]. Если попытаться оценить масштаб общественного участия строго в негосударственных добровольческих инициативах и организациях, то, по данным Левада-центра, в 2014 году этот показатель по стране в целом составил лишь 2 % [4, с. 28].

Каждый из этих типов волонтерства (формальное, неформальное) требует к себе особого подхода в управлении на макроуровне. Неформальное волонтерство (представляет собой микроуровень управления, самоорганизацию) на данный момент остается без внимания со стороны государства, доступ к государственным ресурсам имеют только организованные (формальные) добровольцы. Несмотря на приоритет внимания к формальному волонтерству со стороны государства, нельзя не учитывать деятельность неформальных волонтеров. Сегодня в России, как и во многих других странах, она вообще не регулируется, не стимулируется. Вклад добровольцев в общественное благо вообще не учитывается, в том числе в силу отсутствия методологических оснований изучения их активности.

На уровне организационных структур должны создаваться условия, обеспечивающие мобильность волонтеров, необходимо с помощью различных управленческих мер влиять на включение стихийных волонтерских практик в институциональную среду. Государство должно стимулировать к этому третий сектор. Мировые тренды в развитии благотворительности показывают значимость третьего сектора в организации и популяризации волонтерства. Многочисленные эмпирические исследования, в том числе и наши, доказывают, что институциональная среда обуславливает активность волонтеров.

Третья характеристика общности волонтеров тесно переплетается по своему содержанию со второй и связана с регулярностью деятельности добровольцев. Например, исследования ученых НИУ «ВШЭ» показывают, что «россияне, за последний год принимавшие участие в деятельности хотя бы одной НКО, гораздо чаще занимались добровольчеством много или несколько раз (23 и 36 % против 5 и 15 % среди тех, кто в деятельности НКО не участвовал)» [7, с. 48]. По данным наших исследований каждый третий (32 %) «формальный волонтер» регулярно занимается добровольчеством. Среди «неформальных волонтеров» таковых в шесть раз меньше (5,5 %). Каждый второй респондент (48,5 %) с опытом работы в НКО работает волонтером время от времени, каждый пятый (19,5 %) участвовал в волонтерских проектах 1–2 раза за последний год, в то время как среди неформальных волонтеров таких 51 % респондентов. Несмотря на то, что по данным эмпирических исследований институциональная среда третьего сектора способствует повышению регулярности деятельности волонтеров, наиболее популярным среди всех волонтеров является проектная деятельность (время от времени). Зарубежные исследователи говорят о массовом появлении нового типа волонтеров, «менее заинтересованных в выполнении своей работы на регулярной основе, предпочитающих более

специфические цели и больше свободы в своих действиях» [1, с. 6]. Акценты в активности волонтеров смещаются в сторону краткосрочных проектов с четко определенными задачами и целями [3]. Формат проектной деятельности, развивается, прежде всего, через НКО. На макроуровне стимулирование проектной активности некоммерческих организаций и неформальных групп добровольцев в форме грантов на конкурсной основе будет соответствовать ожиданиям и интересам потенциальных волонтеров. На мезоуровне руководству некоммерческих организаций также следует изменить характер взаимодействия с волонтерами, ориентироваться на их краткосрочное включение, ограниченный набор компетенций. Необходимо активнее осваивать технологии социального проектирования, а также формы и методы работы с неформальными самоорганизующимися группами добровольцев.

Четвертая характеристика общности волонтеров — это специфика их мотивации к добровольческой деятельности. Существуют различные исследовательские подходы к сегментированию волонтерской общности по данному критерию. Например, О. Н. Яницкий разделяет волонтеров на «государственных» (мотивированных государством идеологически, статусно и материально) и «гражданских» (лично мотивированных на помощь другим вне зависимости от места и времени, а также от социального положения тех, кто нуждается в помощи) [9, с. 77–78]. Зарубежные исследователи, чаще всего разделяют членов волонтерской общности по характеру мотивации на тех, кто занимается волонтерством из эгоистических мотивов, по мотивам социальной справедливости; из-за альтруистической мотивации и по моральным убеждениям [2]. По нашим данным волонтеры Свердловской области чаще всего руководствуются карьерными мотивами, участвуя в добровольческой деятельности. Второй по степени распространенности стала группа мотивов расширения социальных контактов, третьей — идеалистические мотивы. Реже всего уральские волонтеры отмечали группу мотивов самопомощи (самопомощь лишь косвенно относится к волонтерству, так как лишь в перспективе возможно будет направлена на благо других людей). В нашем исследовании была установлена зависимость мотивации от возрастных характеристик добровольцев. По нашему мнению, необходимо учитывать специфику групп волонтеров с разной мотивацией в управлении ими на организационном уровне. На макроуровне следует разрабатывать дифференцированные по возрасту (18–30, 30–45, старше 45 лет) программы поддержки волонтеров, учитывающие мотивы, стимулы и предпочитаемые направления деятельности каждой из возрастных групп.

В плане результативности управления это далеко не весь перечень важных характеристик общности волонтеров. Однако, приведенные в статье особенности волонтерской общности наглядно демонстрируют возможности социального управления волонтерством, проектирования на институциональном уровне траектории развития волонтерской общности с учетом интересов как государства, так и самих волонтеров.

Библиографический список

1. Dekker P., Halman L. The Values of Volunteering: Cross-Cultural Perspectives. USA: Springer Science and Business Media. 2003. P. 1–17.
2. Simha A., Topuzova L. N., Albert J. F. V for Volunteer(ing) — The Journeys of Undergraduate Volunteers // J Acad Ethics, 2011. P. 107–126.
3. Van Hal T., Meijs L., Steenbergen M. Volunteering and participation on the agenda: survey in volunteering policies and partnerships in the EU. 2004.
4. Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет. М., 2014. 58 с.
5. Данные опроса «Телефом» 30-31 августа 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11712>.
6. «Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>.
7. Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение. М., 2013. вып. VIII. 204 с.

8. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». М.: ФОМ. 2012. 280 с.
9. Яницкий О. Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1 (5). С. 71–89.

Maria V. Pevnaya, Anna A. Kuzminchuk

CHARACTERISTICS OF VOLUNTEERS SOCIAL COMMUNITY AS A SUBJECT TO CONTROL

Abstract

The article examines the volunteers' social community as a subject to control in management on different levels (macro level, meso level, micro level). On the basis of analysis of the sociological studies of volunteering and survey data of Sverdlovsk Region volunteers we outline key features of volunteers community, the specifics of which should be taken into account in the process of managing volunteers in order to increase their efficiency and to create conditions for the capacity growth of the community.

Keywords: volunteering, volunteers social community, volunteering management.

УДК 316.33

Е. Ю. Петрова

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются социальные общности родителей и детей, их взаимодействие в условиях современного информационно-ориентированного общества. Изучаются проблемы организации родителями неформального образования детей с точки зрения родительского труда. Делается вывод об актуальности исследования родительского труда по организации неформального образования детей и необходимости выработки мер социальной поддержки таких семей.

Ключевые слова: информационно-ориентированное общество; социальная общность родителей, социальная общность детей, неформальное образование, родительский труд.

Одной из задач российского государства в последнее десятилетие стало формирование гибкой системы образования, развивающей человеческий потенциал, обеспечивающей текущие и перспективные потребности социально-экономического развития Российской Федерации [8]. Актуализация данной задачи связана в первую очередь с переходом к информационно-ориентированной модели общества. Рассматривая потенциальные направления совершенствования образовательной системы, особое внимание предлагается уделить взаимодействию социальных общностей – непосредственных потребителей сферы образовательных услуг. Существует множество определений социальной общности, что обусловлено неоднозначностью и разнообразием проявлений данного феномена [4, с. 151]. Систематизация взглядов современных социологов по этому вопросу позволяет выделить ряд необходимых и достаточных оснований выделения общности людей:

- сходство, близость условий жизнедеятельности;
- общность потребностей людей, субъективное осознание ими сходства своих интересов;
- наличие взаимодействия, взаимосвязанного обмена деятельностью;
- формирование своей собственной культуры: системы внутренних норм взаимоотношений, представлений о целях общности, нравственности, др.;
- социальная идентификация членов общности, их самопричисление к этой общности.